

SENATOR

ИМЯ ТВОЁ КОММУНИЗМ

ТЫСЯЧИ ПОГИБШИХ ЗА
ТО, ЧТО МЕЧТАЛИ НЕ ТАК

Сенатор Сенатор

Имя твоё — коммунизм

<https://litres.ru/72065245>

SelfPub; 2026

Аннотация

Это книга — не учебник и не политический манифест. Это вскрытие. Холодное, подробное и беспощадное. Здесь не будет гимнов революции, красивых слов о равенстве и лозунгов про «светлое будущее». Здесь будет правда — о том, во что на самом деле превращаются идеи, придуманные немытыми философами, которые сами не могли заработать на хлеб.

Ты держишь в руках рассказ о том, как паразит превратился в пророка, как трупные идеи стали законами, как под видом освобождения человечество загоняли в бараки, лагеря и очереди.

Карл Маркс, который не работал. Ленин, который начал с террора. Сталин, который ел за двоих, пока страна голодала. Мао, под чьей рукой умерло больше, чем в двух мировых войнах. Пол Пот, Че Гевара, Кимы, Кастро — вся красная галерея убийц, романтиков и манипуляторов.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ от автора.	4
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Сенатор

Имя твоё — коммунизм

ПРЕДИСЛОВИЕ от автора.

Как идея равенства превратилась в идею гильотины

Равенство. Звучит, как будто из Евангелия выпало. Или как школьный лозунг, написанный мелом на доске. Уравнять всех. Чтобы никто не страдал. Чтобы не было богатых, чтобы не было бедных. Чтобы все делили — и хлеб, и счастье. Это мечта, за которую люди шли в бой. Ради которой убивали. И, как это всегда бывает с красивыми словами, мечта обернулась топором.

История идеи равенства — это не рассказ о справедливости. Это рассказ о зависти, переодетой в справедливость. Потому что никто, ни в одном веке, ни в одной стране, никогда не стремился «поднять бедных до уровня богатых». Всегда — опустить богатых, сбросить, растоптать, смыть в унитаз истории. Чтобы у всех было ничего — но поровну.

Народ не брал Бастилию, чтобы получить право читать Вольтера. Народ её брал, потому что внутри сидели «слишком богатые». И головы, которые полетели на плаху после

1789-го, летели не из-за философии, а из-за бытовой ненависти. Равенство — это когда у соседа тоже корова сдохла. И если ты не можешь купить себе сапоги, ты сожжёшь лавку сапожника. Так рождается «революционная справедливость».

Французская революция, конечно, была витриной. Прелюдией. Учебником. А Советский Союз — его кровавым практикумом. Там уже никто не размахивал томами Руссо. Там махали НКВД-шной винтовкой. Там равенство означало, что нельзя быть ни выше, ни умнее, ни самостоятельнее. Там все были равны — перед доносом.

Идея равенства родилась из боли, но быстро превратилась в оружие. Её подхватили те, кто хотел власти, но не имел таланта. Те, кто хотел значимости, но не имел достижений. Потому что равенство — это идеальная ширма для нуля. Под прикрытием «все равны» можно вычеркнуть тех, кто выше. А чтобы не чувствовать себя ничтожеством — лучше, чтобы и остальные стали ничтожествами. Так равенство стало вектором вниз.

Большевики это понимали интуитивно. Они не предлагали людям свободы. Они предлагали месть. Не «возможность стать кем-то», а «разрешение разрушить всех, кто кем-то уже стал». Революция — это не проект будущего. Это реванш прошлого. Это крик с того дна, откуда никто не собирается

выбираться — но откуда можно выстрелить в тех, кто наверху. И каждый выстрел — это акт «справедливости». По-советски.

Гильотина уравнивает. В буквальном смысле. Она делает и короля, и крестьянина одинаково мёртвыми. И коммунизм — это гильотина, только растянутая во времени. Социальная, культурная, духовная. Тысячи людей, миллионы, превращены в серую массу, где никто не должен выделяться. Умеренность, нищета, запрет на амбиции — всё под видом великой идеи.

Посмотрите на тех, кто сегодня мечтает о «повторении». Они не хотят нового мира. Они хотят старого страха. Им не нужен прогресс — им нужна иллюзия порядка. Это не утописты. Это зомби. Люди, которых обокрали при жизни, и которые теперь хотят, чтобы все вокруг жили в том же мраке. Потому что тогда боль становится нормой. А норма — якобы справедливостью.

Они не читают историю. Они её переписывают у себя в голове, как старик, который вспоминает молодость — только без запахов, без крови, без правды. Для них СССР — не ГУЛАГ, а мультик. Не 37-й, а «мороженое за 9 копеек». Идея равенства — снова пускается в дело. Но теперь не как мечта, а как оправдание своей ненависти к свободному, к живому,

к западному, к успешному.

В этом нет ничего нового. Просто теперь палач — с аватаркой Сталина и ником «УралПатриот77». Но функция та же. «Закрыть, посадить, запретить, уравнивать». Чтобы было как раньше — то есть хуже. Но привычнее.

Коммунизм — это не «альтернатива капитализму». Это похмелье по несостоявшемуся величию. Это вечный постсоветский синдром: мир ушёл вперёд, а ты остался на перроне с книжкой Ленина и мечтой о бесплатной колбасе. Потому что настоящий мотив — не равенство. Настоящий мотив — обида. И как всякая обида, она требует мести. Даже если мстить надо будущему.

Почему коммунизм нельзя «исправить».

Коммунизм нельзя исправить по той же причине, по которой нельзя подлатать виселицу. Потому что она сделана не для жизни. А для демонстрации смерти. И если вешать людей перестанут — она теряет смысл.

Люди, всерьёз говорящие о «хорошем социализме», напоминают мне тех, кто предлагает сделать «человечную инквизицию». Мол, давайте пересмотрим. Пусть не жгут — пусть просто беседуют. Не доносы, а анкеты. Не расстрелы, а «репутационные меры». Всё вежливо, культурно, с одобрением трудового коллектива.

Проблема в том, что в этом и есть суть. Коммунизм — не ошибка в реализации. Он — сам по себе ошибка. Или, точнее, обман, принятый за путь. Система, где человек — не цель, а материал. Как доска в строительстве. Или, как говорили в 30-е, «социальный кирпич». А кирпич не жалеют. Его кладут. Или разбивают.

Он не стал страшным из-за Сталина. Сталин стал возможен из-за него. Ленин построил чертёж. Сталин — просто пустил ток. Мао, Пол Пот, Кастро — это не отклонения. Это логическое продолжение. Как гной — продолжение инфекции. Как холод — продолжение смерти.

В коммунизме изначально заложено одно главное допущение: что человек сам по себе — не ценность. А если не ценность, значит — расходник. «В интересах будущих поколений». «Для построения нового мира». «Ради великой цели». Формулировка меняется. Суть остаётся. Это всегда власть над живыми во имя мёртвого идеала.

И давайте скажем правду. Не было и нет ни одного примера «мягкого» коммунизма, который не закончился репрессией, обвалом, нищетой, массовым бегством населения или массовым обманом. Швеция? Это не коммунизм. Это богатый капитализм с высоким перераспределением. Куба? Да,

красиво в туризме. Только пока ты не родился там и не пытаешься купить молоко.

Вы не можете исправить утопию. Потому что она начинается с отказа от реальности. Коммунизм — это религия без Бога, но с жертвами. Платить за него приходится не верой, а трупами. И каждый раз, когда он возвращается, будь то в форме советской ностальгии, леворадикальных партий, маоистских сект или культа «социальной справедливости» — он тащит за собой ту же валежку: подавление, страх, одинаковость, зависть, донос.

Это не баг. Это — его архитектура.

И знаете, что самое печальное? Что даже самые умные иногда говорят: «Ну, идея-то была хорошая... просто реализовать не получилось». Но это всё равно что сказать: «Ну, идея прыгнуть с обрыва была смелая... просто полёт получился одноразовым». Коммунизм нельзя починить. Потому что его смысл — не дать человеку возможность жить, а избавить человечество от «неправильных» людей. Тех, кто не вписывается. Тех, кто спорит. Тех, кто думает. Тех, кто не хочет быть равным — по нищете.

Он всегда работает на одном топливе — страхе. Страху быть слишком умным. Слишком честным. Слишком от-

крытым. Это система, в которой единственный безопасный путь — быть средним. А в среднем не рождается ничего. Ни открытия. Ни прорыва. Ни поэзии. Только лозунги. Только «пятилетка» и «духовные скрепы». Только вечное ожидание, что «сейчас начнётся настоящий социализм».

Но настоящий социализм — он уже был. Он всегда одинаков. Он пахнет гнилыми архивами, щами из столовки, пыльной красной звёздочкой в углу, воню забитого общежития и тишиной очереди, где нельзя говорить — вдруг кто-то услышит.

Коммунизм не исправляется. Он уходит только тогда, когда люди устают бояться. Когда они выбирают быть живыми, даже если это означает не быть равными. Когда они соглашались с тем, что успех — это не привилегия, а путь. И что бедность — не повод для гордости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.